

11. ERCİLASUN A. B (1995) «Lehçelerden Türkiye Türkçesine Aktarma», II. Türk Dünyası Yazarlar Kurultayı-Tebliğler, 8–10 Aralık 1994, baskı: Ankara 1995, 41–45.
12. ERCİLASUN A. B (1997) Lehçeler Arası Aktarma, Türk Dünyası Üzerine İncelemeler, Ankara 1997, 91–100.
13. ERGÖNENÇ AKBABA D. (2007) Nogay Türkçesi ve Türkiye Türkçesi Arasındaki Yalancı Eş Değerler, Bilig, Yaz 2007, sayı 42: 151–176
14. ERGUN P. (2010) Hakas Destancılık Geleneği ve Ay Huucın, Konya: Kömen Yayınları.
15. ERSOY F. (2007) Çuvaş Türkçesi ve Türkiye Türkçesinde Yalancı Eş Değerler, Türkbilim Türkoloji Araştırmaları Dergisi, Sayı 2007/14, 60–68.
16. GEDİKLİ Y. (1995) «Türk Lehçelerinden Metin Aktarma Yolları ve Metin Aktarmanın İlke ve Meseleleri», II. Türk Dünyası Yazarlar Kurultayı-Tebliğler, 8–10 Aralık 1994, baskı: Ankara 1995, 58–69.
17. ILGIN A. (2008) Hakas Destanları II, Ankara: TDK.
18. İLKER Ayşe (1999) «Lehçeden Lehçeye Aktarma Üzerine bazı Düşünceler», III. Uluslar Arası Türk Dili Kurultayı, Ankara, 26–28 Eylül 1996, Ankara, 553–560.
19. KARADOĞAN A. (2004) Türk Lehçeleri Arasında Aktarma Sorunları, Türkmen Türkçesi-Türkiye Türkçesi Üzerine Bir İnceleme, Kırıkkale Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü (Yayımlanmamış doktora tezi), Kırıkkale, 2004
20. KATANOV N. F. (2000) Bilimsel Eserlerinden Seçmeler. Hakas Folkloru ve Etnografyası Metinleri, Ankara: TÜRKSOY Yay.
21. KİLLİ G. (2004) «İlk Hakas Yazarlarından A. Kobayakov ve «Vaftiz» Hikayesi», Bilig, Kış 2004, S.28, Ankara, 117–136.
22. KİLLİ G. (2008) Hakasya’dan Öyküler: İlya Prokopyeviç Topoyev’in Sanatı ve Seçme Öyküler, Ankara: Grafiker.
23. Krasnaya Lisistsa. Hakasskoye geroişeskoye skazaniye (1960). Zapisano so slov M. K. Dobrova, Abakan: Hakknigizdat.
24. MAHMUDOV N. (1994) «Ortak Kelimeler Ortak Anlamlar mı Demektir? (Akraba Dilleri Öğrenmede Kelime Hazinesi Problemi), Dil Dergisi, Ankara 1994, 17, 15–19.
25. ÖZKAN F. (1997) Altın Arığ Destanı, Ankara: Bilig Yay.
26. RESULOV A. (1995), Akraba Diller ve «Yalancı Eş Değerler» Sorunu, Türk Dili, 524 (Ağustos 1995), 916–924.
27. ŞAHİN E. (2007) Altın Çüs, İstanbul.
28. UĞURLU M. (2000) «Türk Lehçeleri Arasında Aktarma Meseleleri ve ‘Abay Yolu’ Romanı», Bilig, 15, Ankara 2000, 59–80.
29. UĞURLU M. (2002) «Kırgız ve Türkiye Türkçesi Arasında Bire Bir Kelime Eşdeğerliği.’Camiyla’ Romanındaki Meseleler Üzerine», Lars Johanson Armağanı, Ankara, 389–401.
30. UĞURLU Mustafa (2004), Türk Lehçeleri Arasında Kelime Eş Değerliği, Bilig, Bahar 2004, sayı 29, 19–28.
31. USTA Ç. (2008) Lehçeden Lehçeye Aktarma Sorunlarına Ek: İmlâ ve Noktalama Hataları, Turkish Studies, International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, Volume 3/6 Fall 2008, 650–669.
32. YAZICI M. (2005) Çeviribilimin Temel Kavram ve Kuralları, İstanbul: Multilingual.

КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Данилова Н. И.

УДК 811.512.157

В статье проанализированы теоретические подходы, касающиеся определения семантической категории каузативности в тюркологии. Представлены типы модификации грамматического значения побудительного залога в тюркских языках и структурно-семантическая модель тюркских каузативных конструкций.

Ключевые слова: **тюркские языки, залог, каузатив, семантическая категория, структура, модель.**

Категория каузативности в тюркологии понимается как «единство абстрактно-грамматического значения каузативности и выражающих его формальных средств»¹. Другими словами, категория каузатива

в тюркских языках определяется как категория, имеющая двустороннюю сущность — план содержания и план выражения. Но тюркский каузатив при кажущейся простоте определения его понятия представляет

собой сложную как по своим формальным, так и по содержательным признакам категорию.

План формального выражения каузатива в тюркских языках представлен разветвленной системой аффиксов, многие из которых имеют типологическую общность в пределах всего алтайского родства. Как свидетельствует И. В. Кормушин, в языках алтайской семьи «каузативные формы глагола хорошо представлены, начиная с письменных памятников, и составляют важную особенность их грамматической системы»². По материалам тюркских языков он зафиксировал всего 19 аффиксов каузатива, из которых наиболее продуктивным является *-m(0)p*, чув., як. *-тар*, *-тыр*, продуктивным остается также аффикс *-m*. Остальные аффиксы (*-°p*, *-°з*, *-к°з*, *-к°p*) непродуктивны, хотя образованные при их помощи каузативные формы встречаются практически во всех классификационных группах тюркских языков.

При этом, как отметил А. А. Юлдашев, по сравнению с формами других залогов именно в понудительном залоге, выражающем значение каузатива, «тюркские языки, как современные, так и древние, имеют более или менее существенные расхождения»³. Это «не только структурно, но и функционально разнородные сравнительно продуктивные формы на (*u/ü*, *y/i*, *e*) *-t-tur/-tür/tir*, *-tyr/-ter* и целый ряд супплетивных непродуктивных форм на (*u/ü*, *y/i*, *t*)*r*, *-u/ü*, *y/i*, *e*)*z*, *-qar*, *-qaz*, *-yur*, *-tuz*, *-sät*, *-zir*, *-güt* и т. п.»⁴. По мере развития этих форм шло развитие семантической структуры каузатива, вызывая, в свою очередь, возникновение его противоречивой лексико-грамматической природы. Эта противоречивость обусловила существование различных толкований его категориальной сущности. Как отметил С. Н. Иванов, «исследователи категории залога в тюркских языках в зависимости от различий в исходных посылках квалифицируют залог то как грамматическую,

то как словообразовательную, то, наконец, как лексико-грамматическую категорию»⁵. Это касается, естественно, также и категории каузативности.

Согласно первой точке зрения, которую изложил А. А. Юлдашев, каузативные формы «чаще всего выполняют чисто словообразовательную функцию, отрешенную от собственно понудительного залога: образуют обычно переходные глаголы активного действия либо непосредственно от имен, либо за счет непереходных глаголов состояния, противостоя им по выражению действительного или среднего залога. И только в результате своего все возрастающего употребления в качестве грамматически организованного средства превращения непереходного глагола состояния в переходный глагол активного действия значительная их часть ... переросла в более или менее регулярные показатели, собственно показатели понудительного залога»⁶. То есть семантическая структура тюркских каузативных форм совмещает три функции: отыменного словообразования, внутриглагольного словообразования и регулярного грамматического показателя побудительного залога. На современном этапе развития тюркских языков эти три функции взаимосвязаны, иногда тесно переплетены, что вызывает затруднения при установлении статуса этих показателей. Самая первая из них — функция отыменного словообразования — в некоторых современных языках сохранилась в довольно большом количестве глагольных форм. Под функцией внутриглагольного словообразования понимается превращение непереходных глаголов состояния в переходные глаголы активного действия. Эта функция каузатива отмечается во всех тюркских языках в коррелятивных формах типа *quru*- ‘сохнуть’ — *qurut*- ‘сушить’, *sogu*- ‘остыть, охладиться’ — *sogut*- ‘остудить, охладить’, *qayna*- ‘кипеть’ — *qaynat* ‘кипятить’ и предполагает соотнесенность действия с реальным исполнителем, т. е.

имеет значение действительного залога. Третья функция развилась на основе значений каузативной формы переходных глаголов типа *aşa-* ‘есть, кушать’, *iç-* ‘пить’, *em-* ‘сосать’ — *aşat-* ‘кормить’, *içür-* ‘поить’, *emür-* ‘кормить грудью’. В предикативных конструкциях с этими формами субъект представлен как реальный исполнитель действия, и форма побудительного залога воспринимается как действительный. По мнению А. А. Юлдашева, «фактически мы имеем здесь дело с особой разновидностью действительного залога, осложненной более или менее ясно проявляемым значением каузатива», сформировавшаяся на базе этого значения каузатива семантика собственно понудительного залога, который выражает «осуществление активного действия (обычно переходного) отнюдь не самым подлежащим при возможном сильном участии в нем вспомогательного агенса, а обязательно самым вспомогательным агенсом по воле (побуждению, принуждению, позволению) подлежащего, обеспечивающего или допускающего это действие и на этом основании охарактеризованного как его субъект, хотя оно и не принимает в нем непосредственного участия»⁷.

Вторая точка зрения на грамматический статус побудительного залога была изложена И. В. Кормушиным. Проблему отнесения каузатива к словоизменительной или к словообразовательной форме он связывает с проблемой места каузатива в залоговой оппозиции и причину проблемы видит в функциональной разновидности каузативных форм. В типичной квалификации каузатива в грамматиках тюркских языков его функция определяется как выражение «вмешательства одного субъекта в действие другого»⁸. Это значение, в свою очередь, может быть определено как «заставлять//велеть//позволять//допускать делать что-л.». В подобном определении он видит неразграниченность лексического и грамматического признаков

и предлагает следующую грамматическую квалификацию каузатива, обладающую признаками абстрактности и инвариантности: «опосредованная контактность действия по отношению к своему субъекту — таково грамматическое содержание каузативных форм»⁹. Но грамматическое значение при речевой реализации получает ту или иную модификацию. В результате модификации может произойти, во-первых, сужение или избирательность типов объектов и обстоятельств каузатива и, во-вторых, расширение их. Названные типы семантической модификации каузативной формы приводят к ее лексикализации. К первому виду лексикализации каузативной формы, связанному с сужением объекта каузатива, относится, например, семантическая модификация при образовании основы *bildir-* ‘давать знать, извещать, оповещать’ от *bil-* ‘знать; предполагать, считать, думать; уметь, мочь’. Второй вид модификации (или лексикализации) каузатива приводит, по существу, к образованию омонимичного глагола. Такие случаи демонстрируют, например, тюркские основы *ayart-*, *bindir-*, *oynat-*, которые представляют собой самостоятельные единицы с лексическим значением, в которых показатель каузативности оказывается нейтрализованным.

Обсуждаемые формы с лексикализированным значением, в которых модификации подвергается объектная ориентация глагола, считаются словообразовательными. А вот выражение отношения между субъектом и действием, свойственное всему ряду залоговых форм, является грамматическим. При этом, как известно, каждая форма выражает определенный тип этих отношений. Это обстоятельство дает право исследователям считать каузатив, как и все остальные залоговые формы, одновременно и словообразовательными, и словоизменительными¹⁰.

Мнения о двойственной природе категории залога, каузативности в том числе, придерживался и С. Н. Иванов. Он считал,

что ее «лексическая, словообразовательная сущность проявляется в том, что аффиксы производных основ образуют новые, по сравнению с исходными основами, лексические единицы, характеризующиеся новыми объектными связями (сочетаемость с дополнениями). Ее грамматическая, словоизменяющая сущность заключается в том, что те же аффиксы выражают характеристику субъекта действия, которое обозначено исходной глагольной основой: одна и та же лексическая единица (исходная основа) получает различную грамматическую модификацию в связи с различной квалификацией субъекта действия»¹¹.

Третьей точки зрения, согласно которой залоговые, в том числе и каузативные, формы имеют словоизменяющий характер, придерживается В. Г. Гузев. Исходя из «тезиса о связи типов языковых значений с формой их существования в языке», он считает, что «грамматическими являются те значения, которые так или иначе принадлежат морфологии»¹². Следовательно, «тюркский понудительный залог — морфологическое синтетическое средство, имеющее то же коммуникативное предназначение, что и каузатив любого другого языка»¹³, относится к словоизменяющим или формообразовательным средствам. Двойственность категориального статуса каузатива обуславливает сложность его семантической структуры. В каузативной морфологической конструкции представлены каузатор, инициирующий действие — событие, и объект, совершающий каузативное действие.

Грамматическое значение каузативной формы в тюркских языках трактуется как выражение ситуации, когда действие осуществляется «кем-либо по волеизъявлению подлежащего, обычно не принимающего в его осуществлении непосредственного участия»¹⁴. Но это значение, которое можно квалифицировать как инвариантное абстрактное, в любом проявлении речи модифицируется различным образом.

Особенность модификации грамматического значения связана с изменением имплицитно выражаемых глагольной основой объектных (объектно-обстоятельственных) связей при образовании каузативной формы. Сложность семантической структуры каузатива обусловлена также тем, что в состав многочисленных аффиксов «были вовлечены, помимо собственно каузативных, семантически близкие форманты интенсивности, итеративности, дуративности и т. п., а также обнаруживающие точки соприкосновения с каузативом показатели пассива»¹⁵.

Модификация грамматического значения побудительного залога в основном имеет два типа — это сужение и расширение грамматического значения каузатива по сравнению с исходной основой. Эти изменения касаются объектов и обстоятельств каузатива, которые являются важнейшими характеристиками каузатива. Сужение значения каузатива заключается в том, что «появляется избирательность в отношении лексического типа объектов и обстоятельств осуществления действия»¹⁶. Это особенно касается многозначных глаголов, в которых каузативное значение может образоваться по отношению к определенному типу объекта или при определенных обстоятельствах осуществления действия. Особенно важным в этом случае являются объектные связи каузативного глагола. К примеру, каузативное значение общетюркской многозначной глагольной основы *бил-* ‘1) знать; 2) предполагать, считать, думать; 3) уметь, мочь’ соотносится только с первым лексическим значением основы, а каузатив касается только одушевленных объектов, способных воспринимать и обработать информацию, т. е. людей. Другими словами, действие *извещать, дать знать* можно совершать только в отношении людей.

Расширение каузативного значения побудительной формы тюркского глагола «состоит в расширении количества имплицитных

для глагола лексических типов объектов и обстоятельств действия»¹⁷. Такая модификация часто приводит к образованию значений, не соотносимых с лексическим значением исходной к появлению омонимичной глагольной основы. В таком случае приходится говорить о самостоятельной словарной единице. Лексикализация касается большого количества каузативных форм тюркского глагола, выполняющих в этом случае словообразовательную роль. В качестве примера можно привести обще-тюркские лексикализованные основы *öldür-* ‘убить’, *bindir-* ‘прибавить, увеличить’. Модификация семантической структуры глагольной основы при образовании каузативной формы «означает подведение глагола-действия под определенный тип сочетаемости с объектами глагольного действия»¹⁸. Важность характера сочетаемости каузативных глаголов с объектом действия, который обуславливает различные модификации грамматического значения, подчеркивается не только в тюркологических исследованиях.

Модификация грамматического значения тюркского каузатива часто происходит также по отношению активности/инактивности участников каузативной ситуации. При этом ситуация может иметь следующие типы модификации: субъект действия инициирует действие, которое выполняется агенсом. Следующая ситуация характеризуется активностью объекта каузации, субъект при этом пассивен. Иногда могут быть активны оба актанта ситуации. Результатом такого рода изменений происходит широко распространенная в тюркских языках так называемая пассивизация семантики каузатива, как в примерах *Атахпын ыкка ытыртардым* ‘Собака укусила мне ногу’; *Куобах сохсого баттаптыт* ‘Заяц придавлен плашкой’ и т. п. С одной стороны, такая ситуация подобна рефлексивной, когда действие замыкается в субъекте, а с другой — субъект не является агенсом.

При всей разнородности морфологических средств выражения каузативности большинство из них все-таки объединяет семантико-функциональная общность. Она заключается в выражении «переходного действия, предполагающего осуществление действия кем-либо по волеизъявлению подлежащего, обычно не принимающего в его осуществлении непосредственного участия»¹⁹.

Оригинальная для тюркской грамматической традиции трактовка семантической категории залоговости, в том числе каузатива, была предложена известным тюркологом и монголистом В. М. Наделяевым на материале тувинского языка. Точку зрения на функциональную сущность залога, названную «словосочетательной», он изложил еще в программах курсов лекций по монгольскому и тувинскому языкам в период своей работы (1947–1959) на Восточном факультете Ленинградского госуниверситета. Свое толкование залогов он объяснил тем, что их значения «однозначно проявляются только в синтаксических конструкциях, и именно в словосочетаниях; в связи с чем вводится понятие залоговость, существенное для данной трактовки залогов»²⁰. В любом вербальном словосочетании, выражающем элементарную процессную ситуацию, он отмечал следующие компоненты: сам процесс, агенс — носитель процесса, пациент — объект воздействия процесса. В элементарной усложненной процессной ситуации он выделял также побудитель прямообъектного процесса²¹. Владимир Михайлович, отметив структурную сложность каузативозалогового вербального словосочетания, считал обязательным присутствием в нем трех компонентов: «1) стержневой вербальный компонент — формообразовательная постфиксальнозалоговая основа глагола с результирующей каузативной (побудительной) залоговостью; 2) первый зависимый субстантивный компонент — дательноподлежащая

словоформа имени (существительного или личного местоимения) с референтом-агентом; 3) второй зависимый субстантивный компонент — прямообъектнопадежная словоформа имени или прямообъектная именная аналитическая форма с послелогом; референт этого субстантивного компонента — пациенс, т. е. реальный объект прямонаправленного действия. Субъект-побудитель, провоцирующий другой объект совершить прямонаправленное действие над объектом, избыточен в грамматическом содержании каузативнозалогового отношения»²². Структурная формула каузативной конструкции была представлена им в следующем виде:

Ts + пстф.	Ts + пстф.	объект.	п.	Tv=пстф.	зал.
дат.п.		объект.			посл.
кым+га даа	ыяш		кес+тир+бес		
никому	дерево		рубить не дает		
кимизэ да	мас		кэртэрбэт		

В приведенной модели «второй компонент с референтом-пациенсом более обязателен, чем первый»²³.

В последующем так называемая синтаксическая трактовка каузатива была продолжена представителями новосибирской типологической школы на примере

других тюркских языков. Так, В. М. Телякова на материале шорского языка отметила 2 структурные модели каузативных конструкций. По ее мнению, формальная структура модели зависит от лексико-семантической характеристики каузативного глагола в ней.

Тюркские каузативные глаголы формируют два семантических типа конструкций: а) конструкции со значением каузации ситуации; б) конструкции со значением каузации деятельности объекта. Это конструкции с двумя актантами: каузирующий субъект в форме основного падежа и объект в форме винительного падежа. Структурно-семантическая модель в основном выглядит следующим образом: N-1 N-1/4 V= +caus. В представленной модели N-1 — это субъект-каузатор ситуации, выраженный словоформой в основном (Causus indefinitus) падеже. N-1/4 — объект каузации, выраженный именем в винительном (Akkusativus definitus) падеже. V= caus. — глагол с каузативной семантикой или побудительная форма глагола.

Дальнейшее изучение семантической структуры тюркских каузативных конструкций, безусловно, позволит установить закономерности их формирования при помощи глаголов того или иного лексико-семантического типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кормушин И. В. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах//Тюркологический сборник. — М., 1966. — С. 64.
2. Там же. — С. 10.
3. Юлдашев А. А. Категория залога//Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1988. — С. 277.
4. Там же. — С. 284.
5. Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). — Ташкент, 1969. — С. 118.
6. Юлдашев А. А. Указ. соч. — С. 277.
7. Там же. — С. 291.
8. Кормушин И. В. Указ. соч. — С. 65.
9. Там же. — С. 65.
10. Там же. — С. 72.
11. Юлдашев А. А. Указ. соч. — С. 133.
12. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. — Л., 1990. — С. 19.
13. Там же. — С. 40.
14. Кормушин И. В. Указ. соч. — С. 284.
15. Там же. — С. 11.
16. Там же. — С. 65.
17. Там же. — С. 66.
18. Там же. — С. 71.
19. Юлдашев А. А. Указ. соч. — С. 284.
20. Наделяев В. М. Залоговость в тувинском языке//Морфология тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 5.
21. Там же. — С. 6.
22. Там же. — С. 42.
23. Там же. — С. 44.

ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

Ефремов Н. Н.

УДК 811.512.157

В статье впервые в якутском языкознании рассматриваются структура и семантика локативных конструкций с серийными послеложными показателями в сопоставлении с их эквивалентами в русском языке. Выявляются и описываются их основные семантические компоненты — объекты локализации, локализаторы, предикаты. В отличие от русского языка, якутские послеложные конструкции рассматриваемого типа в определенных случаях характеризуются эквивалентами, выраженными падежными структурами, что обусловлено агглютинативным строем якутского языка.

Ключевые слова: локативность, конструкция, послелог, структура, семантика, соппространственность, несопространственность, предлог, падеж.

В якутском языке локативные отношения выражаются падежными¹, послеложными и наречными конструкциями. В данной статье анализируются послеложные конструкции с серийными послелогами, образованными от определенных служебных имен, в сопоставлении с их функциональными эквивалентами в русском языке².

Обсуждаемыми конструкциями описываются топологические пространственные (локативные) отношения. Эти отношения, в отличие от ситуативных пространственных отношений, характеризуются конкретизированным локативным значением. Если ситуативные отношения подразделяются, прежде всего, на статические и динамические, то топологические — на отношения общей соппространственности и несопространственности³. Подобные топологические отношения могут обозначаться не только послеложными, но и падежными конструкциями, подобно тому, как ситуативные передаются также и послеложными построениями. В русском языке якутские конструкции с отношениями соппространственности/несоппространственности представляются предложно-падежными структурами.

Ср.: *Куоска диваңа (дат. п.) сытар* — Кошка лежит на диване и *Куоска диван*

үрдүгэр (послелог) *сытар* (перевод тот же); *Остуолга/остуол үрдүгэр лампа турар* — На столе стоит лампа (светильник); *Остуол үрдүгэр лампа ыйанан турар* — Над столом висит лампа.

Как видно из вышеприведенных примеров, соппространственность в якутском языке может представляться как падежными, так и послеложными конструкциями, тогда как в русском языке она оформляется, как уже отмечалось, предложно-падежными структурами. В приведенных фразах падежные конструкции являются наиболее типичными средствами названных отношений, поскольку предложения с предикатом *сыт* 'лежать', сочетающимся с локализатором в дательном падеже, передают непосредственно отношение соппространственности, тогда как конструкции с послелогом *үрдүгэр* детализируют данное отношение, которое в подобных случаях характеризуется как актуализированное, логически подчеркнутое, что нередко может представляться и как избыточное.

Несоппространственность выражается обычно конструкциями с локализаторами, снабженными определенными послелогами; они в русском языке имеют эквиваленты с соответствующими предложно-падежными локализаторами. Ср. предложения со значением близости.